

---

## Анастас Микоян и «сентябрьские события» 1956 г. в Северной Корее

*Игорь Селиванов*

**Anastas Mikoyan and the «September events» of 1956 in North Korea**  
*Igor Selivanov (Kursk State University, Russia)*

Личность одного из самых незаурядных политических деятелей советской эпохи А.И. Микояна до сих пор оценивается неоднозначно как историками, так и общественным мнением. Одни видят в нём верного ученика Сталина и его подручного в осуществлении неблагоприятных дел, другие — прагматичного реформатора, для которого государственные экономические интересы всегда стояли выше идеологических догм. С Микояном, более трёх десятков лет входившим в состав высших партийных и государственных органов, связывают важные вехи истории не только внутренней, но и внешней политики СССР, особенно после XX съезда КПСС.

Одним из малоисследованных сюжетов истории участия Микояна в проведении внешнеполитического курса СССР являются его контакты с руководителями материкового Китая и Северной Кореи весной—осенью 1956 г. Этот вопрос затрагивался в ряде работ отечественных и зарубежных авторов, выводы которых схожи. Подчёркивается некомпетентность Микояна в делах региона, а его поездка в сентябре 1956 г. в Пхеньян (предположительно, для отстранения от власти северокорейского диктатора Ким Ир Сена) объясняется случайным стечением обстоятельств<sup>1</sup>. Общая невысокая оценка деятельности Микояна дана и в мемуарах бывшего первого секретаря ЦК компартии Узбекистана, впоследствии дипломата Н.А. Мухитдинова — единственного из участников тех событий, оставившего письменные воспоминания<sup>2</sup>.

Следует отметить, что к настоящему времени сформирована достаточно широкая источниковая и историографическая база, позволяющая рассмотреть данную тему не как частный эпизод в истории отношений Москвы, Пекина и Пхеньяна, а как характерное явление исторической обстановки того времени.

Часть документов по проблемам истории социалистического лагеря после смерти Сталина (в том числе о росте оппозиционных настроений в КНДР в 1956 г.) содержится в публикациях Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне. Они представляют собой в основном переведённые на английский язык материалы из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)<sup>3</sup>. Важным дополнением к этим документам являются рассекреченные

---

© 2017 г. И.Н. Селиванов

<sup>1</sup> См.: Ланьков А.Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М., 2009. С. 200–201 (английское издание книги вышло в 2005 г.); Симотомаи Н. Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945–1961 гг.). М., 2010. С. 263 (японское издание книги вышло в 2006 г.).

<sup>2</sup> Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1995. Есть весомые основания считать, что оказавшийся с начала 1960-х гг. в опале политик искажил некоторые важные сюжеты, связанные с поездкой делегации КПСС, в том числе и в отношении Микояна.

<sup>3</sup> The Cold War International History Project. Working paper series. № 52. Washington, 2006. P. 51–65; Cold War History Project, issue 16 (Woodrow Wilson Center: Washington D.C.: Fall 2007/Winter 2008).

материалы из личного секретариата Микояна в Совете министров СССР, ныне хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Следует отметить, что ранее они не вводились в научный оборот, что до сих пор во многом определяет неполноту раскрытия историками ряда важных вопросов истории международных отношений на Дальнем Востоке, непосредственно относящихся к эпохе XX съезда КПСС.

Вопросы исторической обстановки того периода, в том числе отношения внутри социалистического лагеря, затрагивались в коллективных и индивидуальных работах российских исследователей<sup>4</sup>, а также зарубежных историков и политологов, специализирующихся на дальневосточной проблематике<sup>5</sup>.

Режим социалистического («народно-демократического») типа в северной части Корейского полуострова стал создаваться практически сразу после её оккупации войсками Красной армии в августе 1945 г. Советские должностные лица в поисках лидера нового образования остановили свой выбор на капитане Красной армии Ким Ир Сене<sup>6</sup>, командовавшем батальоном в 88-й интернациональной бригаде, расквартированной под Хабаровском. Этот малообразованный, но достаточно способный и исполнительный командир представлялся советским руководителям послушным проводником их воли в регионе. Всерьёз его в Москве не воспринимали, поэтому направили на поддержку советской оккупационной администрации несколько сотен этнических корейцев, постоянно проживавших на территории СССР. Некоторые из них вскоре заняли ведущие позиции в северокорейской партийно-государственной элите.

В сентябре 1948 г. в северной части страны была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), руководящей силой в которой стала образованная двумя годами ранее Трудовая партия (ТПК). Лидером партии и главой правительства стал Ким Ир Сен. В марте 1949 г. он впервые посетил Москву, где имел беседы с руководством СССР (в советской печати и официальных документах его именовали «господином»<sup>7</sup>). Интересно, что встречал его не кто иной как А.И. Микоян, который также участвовал и в советско-северокорейских переговорах в Кремле, в частности определял размеры и характер экономической поддержки КНДР.

По-видимому, большого впечатления на «вождя народов» Ким Ир Сен не произвёл (хотя в северокорейской историографии высказывается иная точка зрения), поскольку, по информации Н.С. Хрущёва, советский лидер предложил

---

<sup>4</sup> См., например: Холодная война. 1954–1963. Историческая ретроспектива. М., 2003; *Борисов А.Ю., Клейменова Н.Е., Наринский М.М., Сидоров А.Ю.* История международных отношений. В 3 т. Т. 3. М., 2012; *Шатаев А.В.* И.В. Сталин, СССР и КНР в судьбах КНДР. Горно-Алтайск, 2013; и др.

<sup>5</sup> Применительно к Северной Корее в первую очередь это работы венгерского автора Б. Шалонтая, а также корейских политологов Бэк Чжун Ки и Син Се Ра. См., например: *Бэк Чжун Ки.* Становление политической системы в КНДР и роль СССР (после корейской войны). М., 1997; *Син Се Ра.* Политическая борьба в руководстве КНДР в 1953–1956 гг.: причины и динамика // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 119–135; *Szalontai B.* Kim Il Sung in the Khrushchev era: Soviet–DPRK relations and the roots of North Korean despotism, 1953–1964. Washington, 2005; и др.

<sup>6</sup> Другая (не закрепившаяся в русском написании) транскрипция его имени – Ким Ильсон.

<sup>7</sup> Так требовали установленные в Москве правила общения с лидерами стран «народной демократии». Делегации этих стран имели статус «правительственных», почти никогда не упоминалось, что во главе находятся лидеры правящих «братских» партий. После смерти Сталина такой порядок сохранился, но уже без слова «господин» в официальных отчётах. Например, Ким Ир Сен по-прежнему приезжал в Москву в сентябре 1953 г. и в июле 1956 г. во главе «правительственных» делегаций. См.: Правда. 1953. 11 сентября; Известия. 1956. 9 июня.

присоединить эту территорию к северо-востоку Китая<sup>8</sup>. В феврале 1949 г. Микоян в качестве полномочного представителя Сталина побывал с тайным визитом в горной резиденции Мао Цзэдуна в Сибайо, где несколько дней обсуждал с ним перспективы раздела влияния на Дальнем Востоке, в том числе и по партийной линии, в частности возможность создания так называемого Азиатского Интернационала с возможным участием в нём Трудовой партии Кореи<sup>9</sup>. Эта идея не получила воплощения, но Мао Цзэдун явно не отказался от стремления напрямую влиять на ситуацию в Корее, прежде всего через этнических корейцев, прошедших идеологическую подготовку на партизанских базах КПК и после 1945 г. возвратившихся на родину.

Ким Ир Сен, понимая, чем ему грозят подобные переговоры, лавировал между Москвой и Пекином, любыми способами демонстрируя лояльность обоим «вождям». Он часто посещал посольства СССР и провозглашённой 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики, обсуждал там все проблемы, возникавшие при проведении внутренней и внешней политики КНДР. Также он попытался убедить Сталина помочь ему объединить под своей властью всю территорию корейского полуострова, нанеся военное поражение проамериканскому режиму Ли Сын Мана, в августе 1948 г. провозгласившего на юге Республику Корея (РК). После длительных уговоров Ким Ир Сэну всё же удалось втянуть советского лидера в военную авантюру. 25 июня 1950 г. началась корейская война, унесшая жизни более трёх миллионов жителей полуострова, а также нескольких сотен тысяч китайских «народных добровольцев», пришедших на помощь КНДР. Естественно, в Пекине посчитали, что такие жертвы во имя далёкой от китайских интересов идеи объединения Кореи требовали «особых» отношений между двумя странами. Их гарантом должны были выступить оставшиеся на неопределённое время в Северной Корее «добровольческие» подразделения.

Ким Ир Сен считал, что если он кому-то и обязан своим приходом к власти, то лишь лично Сталину, и после его смерти решил вести себя с новым советским руководством на равных. Такой же курс он принял и по отношению к КНР, особенно после того, как в Пекине стали недвусмысленно намекать, что новым вождём международного коммунистического движения станет Мао Цзэдун. Однако внешне своё недовольство Ким долгое время старался не проявлять, понимая, что помощи на восстановление практически полностью разрушенной в ходе войны страны ему получить больше не от кого.

Руководство СССР, занятое внутренними проблемами, некоторое время не придавало большого значения выстраиванию новой линии в отношении стран социалистического лагеря. Единственное исключение составила Югославия, руководство которой было постепенно «реабилитировано», а о правящей там партии с 1955 г. вновь заговорили как о «братской». Со стороны лидеров соцстран (в том числе и КНДР) это вызывало весьма неоднозначную реакцию, в особенности подозрения о «непредсказуемости» советских руководителей, от которых они сильно зависели.

Вошедшему во вкус неограниченной власти северокорейскому «вождю» для установления режима неограниченной власти необходимы были враги, на которых можно было списать все издержки и негатив прошлых лет. Их назначали,

---

<sup>8</sup> См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 2. С. 86–87. Аналогичное предложение (до советско-югославского разрыва в 1948 г.) Сталин делал И. Броз Тито в отношении Албании.

<sup>9</sup> См.: Cold War International History Project Bulletin, issue 16. Fall 2007 / Winter 2008. P. 130–136.

в основном, из числа «советских» и «китайских» корейцев<sup>10</sup>, имевших хорошее образование и немалый опыт хозяйственной и военной деятельности, а также выходцев из южной части страны. Так Ким решал и вопрос о дальнейшем ослаблении советского и китайского влияния в Северной Корее.

Вскоре после окончания войны жертвами политических гонений стали министр иностранных дел и один из основателей компартии южанин Пак Хон Ён, фаворит Мао Цзэдуна министр внутренних дел генерал Пак Ир У, кроме того был нейтрализован неформальный лидер «советской» фракции секретарь ЦК ТПК Хо Га И<sup>11</sup>. Репрессии продолжились и позднее, причем главным критерием при определении очередного «врага» уже становилась не формальная принадлежность к той или иной фракции, а степень личной преданности «вождю». Именно тогда вокруг Ким Ир Сена сплотилась группа малограмотных, но весьма энергичных карьеристов, ненавидевших приехавших из СССР и Китая «умников». Несмотря на тёмное прошлое многих из них и откровенную некомпетентность, Ким Ир Сен ощущал себя с такими людьми более комфортно. Впрочем, и «пришельцы» не испытывали большого пиетета к новоявленному вождю, поскольку хорошо знали его истинную биографию. Многие из них даже сохранили советское гражданство и ощущали себя как в «длительной командировке».

Всё это очень напоминало начало восхождения к власти И.В. Сталина, победившего к концу 1920-х гг. своих более интеллектуально развитых и образованных политических противников за счёт поддержки на местах со стороны малограмотной «партийной массы» и постепенной замены реальных и потенциальных оппозиционеров своими сторонниками. Именно таким образом в 1926 г. попал в состав кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и стал наркомом 30-летний Микоян.

Ким наверняка хорошо усвоил этот политический урок и уже после смерти «учителя» творчески применил методы Сталина в своей деятельности. Но над советским лидером не довлел «внешний фактор» в виде мощных «покровителей». Поэтому для Кима последствия борьбы с ориентированными на иностранные державы политиками могли оказаться непредсказуемыми. Однако он пошёл на этот риск. В декабре 1955 г. в КНДР озвучили новую политическую концепцию — идеи чучхе, призванные стать альтернативой советской и китайской моделям социализма. Столь ранний — ещё до развенчания культа личности Сталина — выбор самобытного пути развития указывал на то, что Ким уже воспринимал себя как самостоятельного игрока, а не проводника курса СССР или КНР.

Вскоре последовал ещё один демонстративный шаг: северокорейский лидер не поехал в Москву на XX съезд КПСС. Политическая интуиция не подвела: критика Хрущёвым деятельности Сталина ничего хорошего ему не предвещала. И в самом деле: по возвращении делегации, возглавлявшейся одним из заместителей Ким Ир Сена Цой Ён Гёном<sup>12</sup>, которая проинформировала пленум ЦК ТПК о его итогах, в конце апреля состоялся III съезд партии, на котором оппозиция, сформировавшаяся под советским и китайским влиянием, попыталась поднять вопрос и «культе личности» Ким Ир Сена. Эти действия

<sup>10</sup> После августа 1945 г. на территорию Северной Кореи возвратилось много этнических корейцев, воевавших в Маньчжурии против японцев или на стороне Мао Цзэдуна в других районах Китая. Советские корейцы приезжали в основном из Казахстана и Узбекистана.

<sup>11</sup> Также известен как Алексей Иванович Хегай. По официальной северокорейской версии, летом 1953 г. покончил жизнь самоубийством.

<sup>12</sup> Другая встречающаяся в отечественной литературе транскрипция его имени — Чхве Енгон.

успехом не увенчались, однако некоторые из оппозиционеров смогли встретиться с главой делегации КПСС Л.И. Брежневым и сообщить много негативной информации о положении в стране и партии. По приезде в Москву тот отразил свои впечатления в форме отчёта для ЦК КПСС, констатируя, что прошедший съезд ТПК не был проникнут духом XX съезда, а критика культа личности Ким Ир Сена практически не прозвучала<sup>13</sup>. Приблизительно в том же духе информировал Москву советский посол в Пхеньяне В.И. Иванов<sup>14</sup>.

О первом («неофициальном») приезде Ким Ир Сена в Москву по пути в европейские социалистические страны стало известно из краткой информации в центральных советских газетах, где сообщалось, что делегацию КНДР встречали и провожали первый заместитель председателя Совета министров СССР Микоян и посол КНДР в СССР Ли Сан Чо. Кима в ЦК КПСС приняли Хрущёв, Микоян и Брежнев, а в Совете министров — Н.А. Булганин<sup>15</sup>.

Скорее всего, Хрущёв и Микоян вели с Ким Ир Сеном переговоры, но достоверная информация об их содержании и принятых решениях пока недоступна. Во время второго, уже официального, пребывания в Москве (6–13 июля) Ким Ир Сену был оказан прохладный приём, высказаны критические замечания и «рекомендации». Примерно в таком же духе рассуждали и в Пекине, где были недовольны возросшей независимостью политика, которому удалось удержаться у власти в 1950–1953 гг. благодаря помощи Китая. После окончания войны Ким всё более настойчиво просил северного соседа вывести свои вооружённые формирования, но в Пекине под различными предлогами делать это не торопились.

Дополнительную важность «корейскому вопросу» придавало то обстоятельство, что в США после окончания XX съезда КПСС достаточно чётко проявилась тенденция объявить именно Сталина главным инициатором развязывания войны в Корее, и в Вашингтоне стали ожидать, что СССР признает данный факт. Параллельно недовольство назревало и в самой Северной Корее. Так, в ходе одной из бесед в МИД СССР посол КНДР Ли Сан Чо<sup>16</sup> проинформировал о своём негативном отношении к происходящему на родине.

Усилившаяся за время отсутствия Ким Ир Сена оппозиция, рассчитывая на поддержку извне, приступила к решительным действиям. Однако попытки открытого выступления нескольких высокопоставленных партийных функционеров на состоявшемся 30–31 августа пленуме ЦК ТПК завершились их исключением из состава руководства, а некоторых даже из партии. В день закрытия пленума в Москву поступила первая тревожная телеграмма из посольства СССР, на следующий день — ещё одна. Кроме того, 3 сентября с личным письмом к Хрущёву с просьбой вмешаться обратился Ли Сан Чо. Его вновь приняли в МИД СССР, а затем в Международном отделе ЦК КПСС, обещали помочь в реабилитации исключённых оппозиционеров и предъявить Киму официальные претензии<sup>17</sup>.

Из Пекина также поступила информация, что Мао Цзедун не исключал возможности отстранения северокорейского лидера от управления партией и государством. Тем более что к тому моменту покинули свои посты некоторые

<sup>13</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 212–219.

<sup>14</sup> Подробнее см.: *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 225.

<sup>15</sup> Правда. 1956. 5, 7, 8 июня; 8 июля; Известия. 1956. 8 июля.

<sup>16</sup> Другое написание его имени на русском языке — Ли Санчхо.

<sup>17</sup> Подробнее см.: *Селиванов И.Н.* Судьба «корейского Фёдора Раскольников» Ли Сан Чо // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 91–111.

руководители стран социализма — М. Ракоши в Венгрии, В. Червенков в Болгарии, назрел вопрос об освобождении от должности Э. Охаба в Польше.

Разобраться в ситуации на месте поручили члену Президиума ЦК КПСС А.И. Микояну, 14 сентября вылетавшему в Пекин во главе партийной делегации для участия в VIII съезде КПК. Некоторый опыт по этой части у него имелся: в апреле он уже побывал с инспекционной поездкой в Северном Вьетнаме, результатом которой стало исправление «перегибов» при проведении там аграрной реформы и освобождение от должности генерального секретаря Партии трудящихся Чыонг Тиня<sup>18</sup>.

Первая короткая встреча с корейской делегацией, которую возглавлял Цой Ён Гён, произошла во время перерыва на обед 16 сентября. Но северокорейцы явно не стремились к откровенности по поводу ситуации в своей партии, что вызвало негативную реакцию Микояна. Исходя из содержания отправленной им в ЦК КПСС телеграммы, северокорейские представители ограничились заранее выученными дежурными фразами, явно согласованными с Ким Ир Сеном. Кроме того, Микоян понял, что сам лидер КНДР в Пекин не приедет, поэтому единственной возможностью узнать правду о происходящем в ТПК был визит вместе с представителями КПК в Пхеньян<sup>19</sup>.

Сразу после обеда Микоян встретился с Мао Цзэдуном. Как только китайский лидер упомянул о Корее, представитель КПСС заявил, что имеет поручение своего ЦК побеседовать с ним и другими членами Политбюро ЦК КПК о положении дел в ТПК. Мао оживился и заявил, что в КНДР «очень плохое положение в партии», «убежавшие оттуда товарищи»<sup>20</sup> негативно описывают положение внутри неё. Руководители КПК пытались убедить их возвратиться домой, но «они категорически отказались». Затем китайский лидер весьма нелицеприятно отозвался о Ким Ир Сене, который «за высказывание несогласия с ним прибегает к преследованиям, арестам и даже расстрелам». Когда Ким был с визитом в Китае, отметил Мао, ему сказали, что нет никаких оснований для ареста и тем более смертной казни Пак Хон Ёна. Тот согласился, но, вернувшись в Пхеньян, поступил «вопреки совету».

В свою очередь Микоян отметил, что когда Ким Ир Сен в июле 1956 г. был в Москве, в ЦК КПСС ему давали советы, направленные на улучшение ситуации в партии, рекомендовали применять «ленинские нормы партийной жизни». В итоге условились, что они позднее побеседуют на эту тему более детально<sup>21</sup>.

18 сентября состоялась вторая встреча с руководством КПК, в которой наряду с Мао приняли участие и другие китайские лидеры. В её ходе обсуждалась в основном ситуация в ТПК. Микоян подчеркнул, что выполняет поручение ЦК КПСС об обмене мнениями по сложившемуся в Северной Корее положению, поскольку в Москве «не имеют полной информации», но ставшие известными факты свидетельствуют о нездоровой обстановке и нарушении «ленинских

<sup>18</sup> См.: Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX съезда КПСС // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. С. 60–66. В конце марта 1956 г., во время беседы с Ким Ир Сеном, советский посол в Пхеньяне зондировал возможность приезда в Пхеньян Микояна, видимо, «для разъяснения» решений съезда.

<sup>19</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 47. Полный текст беседы, в которой со стороны Микояна прозвучало несколько язвительных замечаний в адрес корейской делегации. См.: Там же, л. 49–57.

<sup>20</sup> 30 августа, после окончания первого дня работы пленума ЦК ТПК, четверо его участников бежали в КНР. На следующий день они были исключены из партии.

<sup>21</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 717, л. 2–3.

норм партийной жизни». Ким Ир Сен, будучи летом в Москве, обещал учесть высказанные ему от имени Президиума ЦК КПСС замечания, однако не сделал этого, о чём свидетельствуют решения августовского пленума ЦК ТПК. Москва пока не имеет окончательного мнения по данному вопросу, оно может сложиться лишь после визита в Пхеньян. В свою очередь Мао Цзэдун сообщил, что в КНДР подвергнуто аресту значительное число коммунистов, вся вина которых состоит лишь в том, что они критикуют недостатки в партии. Например, находится в заключении «хороший коммунист и честный человек» Пак Ир У.

Стороны решили оказать «помощь» лидерам ТПК на месте. Предполагалось специально подчеркнуть, что КПСС и КПК доверяют Ким Ир Сёну («Мы не хотим его свергнуть, а хотим ему помочь», как выразился Мао), однако не могут игнорировать недопустимые методы работы ТПК и дают понять, что без исправления своих ошибок он не сможет удержаться у руководства партией и государством.

Мао в полушутливом тоне добавил, что Ким, наверное, думает, что Москва и Пекин в отношении Пхеньяна поступают приблизительно так же, как в своё время КПСС действовала в отношении Югославии. На что Микоян (наверняка помня, как Сталин в таком же полушутливом тоне в начале 1950 г. во время одной из аудиенций в Москве с Мао, спросил, не являлся ли тот «азиатским Тито») немедленно заявил, что тогда были в отношении Югославии допущены ошибки, сейчас же обе наши партии действуют правильно. КПСС и КПК не могут безразлично относиться к судьбам ТПК и считают своим интернациональным долгом помочь исправить сложившееся в ней положение. Мао Цзэдун добавил, что делегациям КПСС и КПК нужно быть готовыми «к крайним шагам со стороны Ким Ир Сёна», который может даже потребовать вывода китайских добровольцев из КНДР<sup>22</sup>, что на сегодняшний день является нецелесообразным. Микоян успокоил Мао, заявив, что вряд ли дело дойдёт до таких «крайностей».

Опасаясь, что Ким Ир Сен может саботировать навязанные ему решения, Мао Цзэдун предложил, чтобы в предстоящих мероприятиях приняли участие послы СССР и КНР в КНДР. Они должны «быть в курсе дела» и следить за тем, как исполняются договорённости после отъезда делегаций. Кроме того, подчеркнул китайский лидер, необходимо, чтобы ЦК ТПК принял хотя бы краткую резолюцию с осуждением «перегибов», которую необходимо обязательно опубликовать в северокорейской печати.

Стороны также обсудили, кто должен принять такое постановление: президиум или пленум ЦК ТПК. Договорились, что делегации обменяются мнениями с Ким Ир Сёном, предложат свои услуги в его «примирении» с оппозиционерами и таким образом попытаются сплотить ТПК. Но вначале северокорейский лидер должен исправить допущенные ошибки и пообещать соблюдать «ленинские нормы партийной жизни».

Мао Цзэдун высказал мнение, что необходимо вернуть в КНДР бежавших в Китай оппозиционеров, восстановив их в партии. Микоян заметил на это, что Ким, поставленный в сложное положение, может не согласиться «из-за престижа». Руководитель китайских коммунистов признал справедливым этот довод. В качестве компромисса договорились, что посланцы КПСС и КПК примут меры к тому, чтобы корейские оппозиционеры, отказавшиеся вернуться в КНДР, не вели работу против северокорейского руководства. Мао при

---

<sup>22</sup> Китайские добровольцы вошли на территорию КНДР в годы корейской войны, а затем оставались там в качестве гаранта её территориальной целостности и независимости.

этом высказался в том духе, что будет неправильным, если в Пхеньяне одна руководящая группа свергнет другую, так как свергнутая группа начнёт оппозиционную борьбу, что приведёт к тяжелому кризису. Он также высказал предположение, что Ким Ир Сен не согласится на созыв пленума, однако Микоян уверенно заявил, что у того нет политических мотивов для отказа.

В ходе беседы в их диалог неоднократно вклинивались с негативными оценками Ким Ир Сена другие китайские руководители. Микоян сделал вывод, что этот вопрос они неоднократно обсуждали и информированы обо всех деталях положения в северокорейском партийном руководстве.

Пэн Дэхуай поинтересовался, что во время пребывания в Пхеньяне они должны говорить членам ЦК ТПК, отвечая на их возможные вопросы о «деле Пак Хон Ёна»? Решили, что в сложившейся ситуации нет смысла «ворошить» это дело. Прежде всего необходимо будет обсудить вопрос об исправлении имеющихся недостатков в партии и установлении нормального режима работы её руководящих органов. Поступили также предложения о том, чтобы Ким Ир Сена о предстоящем визите поставил в известность Цой Ён Гён и чтобы тот поехал вместе с ними в Пхеньян. Мао Цзэдун согласился и сказал, что пригласит его к себе на аудиенцию, а потом направит к членам делегаций КПСС и КПК<sup>23</sup>.

Представители КПСС планировали уложиться за два–три дня, но Пэн Дэхуай засомневался в реалистичности этого и предположил, что на всё уйдёт не менее недели. В результате решили со сроком поездки не определяться. Подводя итог встречи, Мао Цзэдун заявил, что успех предстоящего «дела» зависит от советской делегации, поскольку корейцы не слушают советов компартии Китая. В ответ Микоян успокоил главу КПК, сказав, что, как известно, Ким Ир Сен ранее соглашался с советами КПСС, а теперь действует иначе. Мао заметил, что руководство ТПК не слушает советов лидеров КПК на сто процентов, а руководителей КПСС всё же слушает на 30 процентов.

Вылет Микояна и сопровождавших его лиц в Пхеньян был назначен на 19 августа в 7 ч утра. С ними должны были лететь китайские и корейские представители<sup>24</sup>, но этот план был скорректирован и делегации КПСС и КПК прилетели на разных самолётах с интервалом в 2 ч<sup>25</sup>. Цой Ён Гён, видимо, по совету Ким Ир Сена отказался ехать вместе с гостями. Можно предположить, что он мог отправиться домой на поезде или за ним могли прислать другой самолёт.

В Пхеньян обе делегации прибыли 19 сентября. Советская — в 11 ч 34 мин по местному времени, китайская — через 2 ч<sup>26</sup>. Ким Ир Сен их не встречал, но в 16 ч посетил резиденцию делегации КПСС, побеседовал с её членами, а через 2 ч состоялась его беседа с Микояном и Пэн Дэхуаем, продолжавшаяся более 4 ч.

---

<sup>23</sup> Судя по записи в дневнике поездки Микояна, встреча с делегацией ТПК состоялась 19 сентября в 0 ч 30 мин по местному времени (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 2).

<sup>24</sup> Там же, оп. 98с, д. 718, л. 35–38.

<sup>25</sup> Мухитдинов Н.А. Указ. соч. С. 341.

<sup>26</sup> Кроме Микояна, в делегацию КПСС входили заведующий международным отделом ЦК Б.Н. Пономарёв, первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Н.А. Мухитдинов; от КПК — член Политбюро, министр обороны, бывший командующий китайскими «добровольцами» в Корее Пэн Дэхуай, член ЦК, начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая в период корейской войны маршал Не Жунчжэнь, а также главы дипломатических представительств СССР и КНР в КНДР В.И. Иванов и Ляо Сяогуань.



Столь узкий состав участников объяснялся желанием сторон поговорить откровенно<sup>27</sup>.

По версии Микояна, он и Пэн Дэхуай решили убедить своего собеседника, что КПСС и КПК имеют твёрдое намерение не ослаблять, а укреплять нынешнее руководство ТПК и лично Ким Ир Сена, деятельность которого оценивается высоко. Тем не менее они не могут примириться с теми методами руководства, которые использует лидер ТПК, и хотят своими рекомендациями помочь добиться единства и доверия масс к руководству партии не репрессиями, а методами внутрипартийной демократии<sup>28</sup>.

Посланцы Москвы и Пекина порекомендовали Ким Ир Сэну созвать новый пленум ЦК и исправить на нём ошибки, допущенные августовским пленумом по отношению к исключённой из ЦК и партии группе северокорейских руководителей. По их мнению, этот шаг только укрепит доверие к руководству КНДР.

После долгих уговоров Ким Ир Сен и присутствовавший при беседе министр иностранных дел КНДР Нам Ир заявили, что они в принципе согласны с высказанными рекомендациями, однако вопрос о том, в отношении всех ли исключённых членов ЦК ТПК следует отменить решение августовского пленума, требует дальнейшего изучения. Поскольку несколько высокопоставленных оппозиционеров к тому моменту уже успели бежать в КНР, Ким Ир Сен заявил, что готов восстановить их лишь в партии, но не в ЦК. Оставшихся в Пхеньяне, по его мнению, можно будет возвратить в состав ЦК. Микоян и Пэн Дэхуай согласились с этим предложением<sup>29</sup>.

Видя, что незваные гости не готовы к радикальным действиям и склонны к компромиссам, Ким заявил, что двух исключённых, которые являлись его заместителями в правительстве<sup>30</sup>, он готов восстановить в ЦК, но не в прежних государственных должностях. Последовали возражения, и тогда Ким Ир Сен заявил, что об этом надо ещё подумать. На вопрос, когда будет созван пленум, он ответил, что вначале нужно собрать Президиум ЦК и обсудить возможную дату. Микоян в свою очередь мягко намекнул, что если представители КПСС и КПК «не будут мешать», то они хотели бы присутствовать на пленуме. Ким с этим согласился<sup>31</sup>.

На следующий день Микояну и Пэн Дэхуаю сообщили, что заседание Президиума ЦК ТПК назначено на 6 ч вечера по пхеньянскому времени. Нетрудно догадаться, чем был обусловлен столь поздний час: Ким решил вначале проинструктировать своих единомышленников, что и в каком ключе говорить перед посланцами «братских» партий.

Заседание, в котором участвовали делегации КПСС и КПК, началось вовремя и продолжалось до полуночи. Открыл его глава ТПК, в своём вступительном слове кратко изложивший существо предварительных договорённостей и согласованные предложения по кадровым вопросам, подлежащим пересмотру. Так, явно подразумевая решения августовского пленума, лидер ТПК заявил, что руководители делегации «братских партий» дали много полезных советов, которые

<sup>27</sup> В качестве переводчика на русский привлекли министра иностранных дел КНДР Нам Ира, а на китайский — личного переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ (А. Карского).

<sup>28</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 12.

<sup>29</sup> Там же, л. 14.

<sup>30</sup> Вероятно, речь шла о Цой Чан Ике и Пак Чан Оке.

<sup>31</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 14.

он принял «с удовлетворением» и считает, что ЦК ТПК, сделав соответствующие оргвыводы, исходил из того, что действия оппозиционеров были направлены против руководства партии. Создав собственную группировку, они вели «антипартийную работу». По его словам, столь жёсткие меры были приняты спонтанно, в качестве эмоциональной реакции на сделанные оппозиционерами на пленуме заявления. Президиум ЦК был намерен вести с ними терпеливую воспитательную работу, видя в них «ошибающихся товарищей», и не планировал никаких радикальных действий. Наконец, Ким внёс предложение пересмотреть решения августовского пленума с учётом советов «братских партий»<sup>32</sup>.

Выступление Микояну понравилось, но высказываться члены Президиума ЦК ТПК не решались. Тогда руководитель делегации КПСС взял инициативу в свои руки и предложил начать прения Нам Иру, на что тот молниеносно отреагировал: у меня с товарищем Ким Ир Сеном единое мнение<sup>33</sup>. Ким Ир Сен, стремясь повернуть ситуацию в нужное ему русло, повторно взял слово и задал направление, в котором следовало строить дальнейшие выступления: исключённые ошибались, но следует проявить к ним великодушие.

После этого возможность выступить получил возвратившийся из Пекина Цой Ён Гён. Он проинформировал собравшихся о «советах» Мао Цзэдуна: сплотить ряды Трудовой партии Кореи и «дать возможность работать» исключённым оппозиционерам. Оратор внёс предложение пересмотреть на предстоящем пленуме их «дело», но таким образом, чтобы это не повредило дальнейшей работе ЦК ТПК. Что касается тех, кто «убежал в Китай», их можно восстановить в партии, но не в ЦК и не на прежних должностях<sup>34</sup>.

Затем слово предоставили ещё одному заместителю главы правительства — Ким Иру, который раскритиковал бывшего министра торговли Юн Кон Хына и члена Президиума ЦК ТПК Цой Чан Ика<sup>35</sup>, выступивших на августовском пленуме «с антипартийными фразами»<sup>36</sup>. Ким Ир Сен, почувствовав, что его положению лидера ничто не угрожает, перешёл в атаку. Он заявил, что члены Президиума пересмотрят решение не из-за рекомендаций «братских партий», а потому что сами видят необходимость этого. Данную мысль подхватил и развил выступивший следующим его заместитель Ким Чан Ман<sup>37</sup>. По его мнению, одним из главных побудительных мотивов для оппозиционеров выступал тот факт, что поскольку в других «братских компартиях» после XX съезда сменились руководители, то это можно проделать и здесь, хотя в действительности в КНДР не было таких же тяжёлых последствий<sup>38</sup>.

В этот момент в ход заседания вмешался Микоян, который не понаслышке знал, что происходило в Болгарии, Венгрии и Польше, и привёл следующий аргумент: правящие партии этих стран единогласно «освободили» своих прежних лидеров. «А вы разве согласны освободить товарища Ким Ир Сена?» — спросил участников совещания посланец Москвы, но тут же успокоил их: «В такой плоскости вопрос никто не ставит, в вашем случае нет аналогии с Венгрией или Болгарией. Никто не выступал с требованиями об отстранении Ким Ир Сена,

<sup>32</sup> Там же, л. 18.

<sup>33</sup> Там же, л. 20.

<sup>34</sup> Там же, л. 20—21.

<sup>35</sup> Другое написание его имени — Чхве Чханик.

<sup>36</sup> Там же, л. 22.

<sup>37</sup> Другое написание его имени — Ким Чханман.

<sup>38</sup> Там же, л. 23.

но, тем не менее, нельзя лишать права членов ЦК выступать с критикой». Ким Чан Ман сориентировался, в каком ключе продолжить своё выступление, и согласился с высказанными тезисами.

Глава делегации КПСС вновь вмешался и спросил: в чём суть расхождений с теми, кого вы исключили? Ким Чан Ман был демонстративно прямолинеен: исключённый из ЦК ТПК заместитель министра культуры Ким Гван давал иные указания, нежели аппарат ЦК, относительно театральных постановок. Когда его сотрудники проводили совещание в министерстве культуры о необходимости «сплочения», то Ким Гван говорил, что в его ведомстве и так все сплочены. Кабинет министров и ЦК утвердили план по производству десяти фильмов в год, а Ким Гван заявлял, что этого сделать невозможно. Вряд ли такого рода наивный ответ мог удовлетворить московского гостя.

Единственным, чьё выступление выбивалось из общего ритма, стал заместитель главы правительства Пак Ы Ван<sup>39</sup>. По его мнению, «постановление августовского пленума было крайним и необдуманым», поэтому советы КПСС и КПК вдвойне правильны. Пленум ЦК не заслушал оппозиционеров и исключил их из партии. Недопустима ситуация, когда никому нельзя соглашаться с мнением того или иного руководящего работника, поскольку оно сразу же объявляется антипартийным. Получается, что надо только слушать. Следует отличать «ошибающегося» члена партии от врага. На предстоящем пленуме не нужно выискивать вину исключённых товарищей и проводить следствие относительно их поведения. Рекомендации братских партий имеют огромное значение. Нам надо глубоко продумать их и использовать не только при решении настоящих задач, но и во всей будущей работе ЦК ТПК и его руководства<sup>40</sup>.

Однако следующим выступил Пак Кым Чер, вернув обсуждение в прежнее русло и выразив несогласие с оппозиционерами, говорившими на августовском пленуме, что ТПК не проводит линию XX съезда КПСС. После этого выступления Микоян решил, что самое время изложить позицию КПСС, которая должна была выглядеть исключительно как проявление заботы «старших товарищей» по отношению к «младшим», в силу недостаточного опыта допустившим ряд «исправимых» ошибок.

Прежде всего, заявил он, мы приехали сюда потому, что это наш интернациональный долг, а советы от дружественных партий не менее значимы, чем материальная помощь. Возникает тревога за судьбу ТПК, поскольку КНДР располагается на стыке «двух миров»: по 38-й параллели проходит разделительная линия борьбы между капитализмом и социализмом, следовательно, ваши неудачи могут отрицательно сказаться на всём лагере социализма. Далее Микоян указал, что ЦК ТПК мало информировал своих советских и китайских коллег об обстоятельствах, связанных с прошедшим в августе пленумом. В Москве, заявил он, «не знают» тех руководителей ТПК, в отношении которых были сделаны «оргвыводы», и поэтому «мы не выступаем за них»<sup>41</sup>. Тревогу

---

<sup>39</sup> По некоторым данным, именно Пак Ы Вану в ходе работы Третьего съезда ТПК удалось встретиться с Л.И. Брежневым и убедить того в том, что в КНДР имеют место отрицательные явления, в первую очередь связанные с неудовлетворительным руководством Ким Ир Сена.

<sup>40</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 25–26.

<sup>41</sup> В период с марта по август 1956 г. у представителей оппозиции проходили контакты по линии МИД СССР, о содержании которых немедленно докладывалось в ЦК КПСС. См., например: *Person J. «We Need Help from Outside»: The North Korean Opposition Movement of 1956. The Cold War International History Project.* № 52. Washington, 2006. P. 51–65; Cold War History Project, issue 16 (Woodrow Wilson Center: Washington D.C.: Fall 2007/Winter 2008). P. 463–492.

вызывает сам факт принятия пленумом подобного решения, поскольку часть членов ЦК оказалась исключена буквально спустя три месяца после избрания на съезде партии. Более того, четверо из них «убегают из страны», что указывает на явный кризис партийного и государственного руководства.

«Усиливает ли партию это, или ослабляет? — риторически спросил Микоян. — Не будут ли такие решения августовского пленума поняты простым народом так, будто бы ТПК раздирается разногласиями, что идёт постоянная внутрипартийная борьба? Подумайте сами, если бы в СССР происходили такого рода события, вы бы наверняка сказали, что у нас дело плохо. Мы хотим, чтобы ваша партия росла и крепла».

Микоян использовал ещё один ораторский приём — доказательство от обратного: «Здесь говорилось о некоторых ошибках исключённых товарищей. Возможно, то, что они говорили и делали, было неправильно. Может быть, у некоторых из них плохой характер. Но что сделал ЦК для их исправления и рассмотрения высказанных альтернативных предложений? Они в партии состоят уже длительное время, всего три месяца назад съезд избрал их в состав ЦК, а теперь исключил оттуда без созыва съезда. Если говорить о необходимости поддержания авторитета ЦК, то решение об исключении группы членов из ЦК не будет способствовать повышению авторитета ТПК».

Микоян решил также дать назидательные наставления руководству ТПК относительно норм поведения в партийной жизни. По его мнению, если бы III съезд ТПК прошёл более самокритично, все спорные вопросы могли быть решены. Если бы внутрипартийная демократия действовала, коммунисты, в том числе и члены ЦК, имели бы возможность выступать открыто, не боясь преследований. Если член ЦК не будет говорить на заседании ЦК то, что он думает, то в ТПК не будет квалифицированного и компетентного руководства<sup>42</sup>.

Затем под огонь критики главы советской делегации вновь попал Ким Чан Ман, обвинённый в неправильной трактовке действий исключённых на августовском пленуме как «антипартийных». Его оценку их высказываний Микоян назвал «сектантской», а также вступился за Юн Кон Хына, которому на августовском пленуме даже не дали закончить выступление<sup>43</sup>. Участникам заседания было сказано буквально следующее: «Надо иметь в виду, что у вас огромные права. Вы можете исключить из партии, арестовать человека, расстрелять его. Таких прав не имеет ни один орган власти в капиталистической стране, ни президент Эйзенхауэр, например, и никто другой. Поэтому, имея такие огромные права, вы должны быть осторожны».

После этих слов уже в третий раз объектом критики стал Ким Чан Ман — на сей раз за высказывание о том, что члены ТПК не имеют права спорить с чиновниками из отдела агитации и пропаганды ЦК. По мнению Микояна, каждый член ЦК ТПК должен иметь как ответственность за свои слова и дела, так и права<sup>44</sup>. Возможно, продолжал он, что этих членов ЦК поддерживают члены партии. Как вы разъясните ваши решения? Репрессии на время могут заглушить критику, но

<sup>42</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 28.

<sup>43</sup> Текст несостоявшегося в полном объёме выступления Юн Кон Хына, где содержалась резкая критика Ким Ир Сена и порядков, насаждавшихся в партии и государстве его сторонниками, поступил в ЦК КПСС. Поскольку один из экземпляров в переводе на русский язык обнаружен нами в бумагах личного секретариата Микояна, можно предположить, что он ознакомился с этим докладом до отъезда в Пхеньян. См.: Там же, д. 721, л. 182–202.

<sup>44</sup> Там же, д. 718, л. 28–29.

надо учесть, что начнутся разговоры с другого конца, и их будут вести уже другие люди. Политику «отсечения» надо применять только в крайнем случае, когда установлено достоверно, что «люди полностью сгнили». Если член ЦК ошибается, надо постараться его убедить в неправоте его взглядов или поведения.

Микоян затронул и самую большую для собравшихся тему, заявив, что некоторые товарищи говорят, что исключённые из партии хотели сменить руководство ТПК. «Разве у вас меньшинство в составе ЦК?», — спросил Микоян, после чего вновь озвучил свой главный тезис: «Никто не ставит вопрос о замене тов. Ким Ир Сена, хотя юридически, по уставу партии, этот вопрос можно ставить»<sup>45</sup>. Лидера, по его словам, надо было поддержать на базе идейного сплочения северокорейского руководства, а не на основе страха, репрессий и исключения из рядов партии<sup>46</sup>.

Стремясь расположить к себе собравшихся, глава советской делегации раскрыл им один «секрет»: перед приездом в Пхеньян он имел беседу с Мао Цзэ-дунем, который заверил, что ЦК КПК и он лично доверяют Ким Ир Сёну. Затем он выразил удовлетворение тем, как прошло заседание и что большинство членов Президиума ЦК ТПК правильно высказались о своей готовности исправлять выявленные ошибки. Предвосхищая вопрос, не скажется ли это на авторитете партии и её руководства, он заявил, что, наоборот, авторитет только возрастёт. Партия должна проявлять великодушие даже к тем, кто грубо ошибается. Микоян предложил в кратчайшие сроки провести новый пленум ЦК ТПК и исправить ошибки предыдущего<sup>47</sup>.

В заключение своего выступления Микоян заявил, что необходимо выяснить, какие процессы в партии привели к исключению из ЦК нескольких ответственных работников. Руководство КПСС не имеет позиции о положении в ТПК, но, будучи встревоженным положением дел, направило нашу делегацию с целью рассмотреть на месте сложившееся положение.

Следующим на трибуну вышел Пэн Дэхуай, начавший своё достаточно странное выступление с экскурса в историю взаимоотношений КПК и ТПК. Необходимо обмениваться опытом работы, заявил докладчик, тем более что у КПК он весьма обширный и она извлекла горькие уроки из своих промахов, которые ТПК не должна повторять. Работа августовского пленума, по его мнению, была проведена с ошибками, и он полностью согласен с высказанными Микояном оценками<sup>48</sup>.

Напомнив, что сам Ким Ир Сен долгое время жил в Китае, защищая дело революции, глава делегации КПК заявил, что «сейчас нет такого человека, который мог бы заменить Ким Ир Сена, и нет такого, кто этого желал бы». В этот момент Микоян бросил в зал ещё одну ключевую реплику: «Если бы даже такой и нашёлся, то ведь не он решает вопрос». Пэн Дэхуай эту мысль постарался развить, отметив, что КПСС и КПК поддерживают Ким Ир Сена в качестве лидера ТПК, но руководство партии «должно проводить правильные мероприятия, иначе наши дела будут противоречить нашим желаниям»<sup>49</sup>.

Цой Ён Гён, очевидно, опять согласовав своё предложение с Ким Ир Сёном, повторно взял слово и заявил, что необходимо созвать пленум ЦК и на

<sup>45</sup> В Москве, видимо, не случайно в 1956 г. на русском языке отдельной брошюрой был опубликован Устав ТПК, принятый на III съезде партии.

<sup>46</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 29.

<sup>47</sup> Там же, л. 30.

<sup>48</sup> Там же, л. 31.

<sup>49</sup> Там же, л. 33.

нѐм подтвердить, что поведение исключѐнных лиц является антипартийным поведением, но ради монолитности партии руководители ТПК готовы принять «более великодушное решение».

Ким Ир Сен на правах «победителя» подвѐл итог заседанию, отметив в заключительном слове, что северокорейскому руководству нельзя быть связанным решениями августовского пленума. На предстоящем пленуме необходимо исправить ошибки и сказать о развитии внутрипартийной демократии. Делегации братских коммунистических партий приехали к нам и дали правильные советы в отношении исключѐнных из ЦК товарищей. Необходимо указать в решении пленума, что мы поступили неправильно, это нужно сказать специально при них<sup>50</sup>.

Таким образом, ни одного прямого упрека в адрес Кима озвучено не было. Микоян, опираясь на результаты обсуждения решений августовского пленума на Президиуме ЦК КПСС, высказал критику «неправильных мероприятий» ЦК ТПК. В результате участники заседания единодушно поддержали предложение лидера КНДР созвать новый пленум и пересмотреть на нѐм решения предыдущего<sup>51</sup>. Затем так же единогласно было принято решение о сроках его проведения – 22 сентября, а если не успеют к тому времени прибыть все члены ЦК, то 23-го, в первой половине дня. За это время комиссия Президиума ЦК ТПК должна была подготовить проект соответствующего решения, а его текст в обязательном порядке (на чѐм настаивали Микоян и Пэн Дэхуай) и в полном объѐме опубликовать в печати. Нам Ир<sup>52</sup>, явно играя в «демократию», пригласил посланцев Москвы и Пекина принять участие в работе по составлению проекта такого решения. Согласие последовало незамедлительно<sup>53</sup>.

Трудно определѐнно сказать, чем конкретно 21 сентября занимались в Пхеньяне члены делегаций. Судя по дневниковой записи о поездке Микояна, они посетили металлургический завод, общежития рабочих и магазины<sup>54</sup>, скорее всего, они также готовили отчѐты в Москву и Пекин<sup>55</sup>. 22 сентября состоялась встреча руководителей советской и китайской делегаций с руководством ТПК по проекту резолюции будущего пленума. Микоян и Пэн Дэхуай отметили, что он соответствует прежним договорѐнностям, в основном приемлем в части, касающейся отмены оргвыводов предыдущего пленума. Кроме того, Микоян заявил, что в проект следует внести положения о необходимости проведения в ТПК внутрипартийной демократии, критики и самокритики и терпеливого отношения к ошибающимся товарищам, на что было получено согласие корейской стороны<sup>56</sup>. Микоян так же настойчиво порекомендовал подготовить

<sup>50</sup> Там же, л. 34.

<sup>51</sup> Там же, л. 34.

<sup>52</sup> К слову сказать, этот советский кореец до 1945 г. имел имя Яков Наумович Нам и вплоть до 1956 г. сохранял советское гражданство. Более того, не имея военного опыта, в годы Корейской войны в звании генерал-полковника занимал должность начальника Генерального штаба Корейской Народной армии, а после отстранения Пак Хон Ёна стоял во главе северокорейского внешнеполитического ведомства (1953–1959 гг.). См.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 228, д. 838.

<sup>53</sup> Н. Симотомаи пишет в своей книге, что представители КПСС якобы отказались участвовать в составлении резолюции, руководствуясь «этическими соображениями». См.: *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 263.

<sup>54</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 2.

<sup>55</sup> Согласно воспоминаниям Мухитдинова, Микоян отправил его осматривать достопримечательности Пхеньяна. См.: *Мухитдинов Н.А.* Указ. соч. С. 342.

<sup>56</sup> Скорее всего, данный факт свидетельствует о том, что представители КПСС и КПК не принимали непосредственного участия в подготовке резолюции сентябрьского пленума ЦК ТПК.

предложения о государственной или иной работе, которая будет поручена реабилитированным оппозиционерам. Либо вернуть их на прежние посты, либо предоставить новые, соответствующие их положению и компетенции<sup>57</sup>.

С корейской стороны последовало предложение о переносе даты начала пленума на следующий день, чтобы успеть проинформировать членов ЦК ТПК о характере предстоящих решений. Ким Ир Сен отметил, что такие беседы уже проводятся, но единогласия в их поддержке пока нет. Микоян и Пэн Дэ-хуай вынуждены были согласиться. В тот же день вечером советская делегация предполагала вылететь в Пекин, а 24 сентября оттуда отправиться в Москву<sup>58</sup>.

Встреча продолжалась около часа, а затем члены делегации осмотрели здание посольства и торгового представительства СССР. Вечером Микоян провёл полуторачасовое совещание с советскими гражданами, работавшими в КНДР. Затем по инициативе Ким Ир Сена состоялась ещё одна встреча с советской делегацией, продолжавшаяся с 9 ч вечера до 2 ч ночи. Сначала обсуждались хозяйственные дела, затем был предоставлен для ознакомления новый проект резолюции предстоящего пленума уже с учётом замечаний Микояна и с тезисами о необходимости обеспечения «ленинских норм партийной жизни» и не-правильности применения к несогласным мер административного характера. В дополнение к более раннему варианту корейской стороной был внесён раздел, из содержания которого следовало, что все партийные организации должны обратить серьёзное внимание на исправление ошибок членов ТПК терпеливым проведением воспитательной работы и убеждением.

Во время беседы члены делегации КПСС отметили, что идейная сплоченность ТПК не может быть достигнута путём репрессивных мер и отсеечения всё новых и новых руководящих кадров. Ким Ир Сен в свою очередь заявил, что полностью согласен с этими советами ЦК КПСС, понимает неправильность многих шагов руководства партии. Надо признать, что ЦК ТПК только сейчас стал понимать «существо линии XX съезда КПСС», чего не было в период подготовки и проведения III съезда. Если бы мы проводили его сейчас, сказал Ким Ир Сен, то он прошёл бы в атмосфере самокритики и дал партии правильную установку на полное проведение «ленинских партийных принципов» в жизнь.

Далее стороны похвалили организацию VIII съезда КПК и отметили, что корейские коммунисты могут почерпнуть из его решений много полезного. Ким специально подчеркнул, что у КПК имеется большой опыт самостоятельности, а у ТПК его нет, и поэтому она, будучи в прямой зависимости от Москвы, слепо копировала опыт КПСС, имея в виду культ личности Сталина. Таким образом, в его трактовке выходило, что в сложившейся ситуации виноваты не лояльные ему корейские левые радикалы, а непосредственно Советский Союз.

Члены советской делегации вновь подчеркнули, что руководители КПСС вместе с китайскими коллегами будут и впредь поддерживать Ким Ир Сена, но хотят, чтобы он лично возглавил критику и устранение выявленных недостатков в отношении значительного числа кадровых работников, являющихся «честными коммунистами». Ким согласился с высказанным пожеланием и заявил, что сделает всё от него зависящее для устранения негативных явлений. Микоян попросил, чтобы всё высказанное в ходе данной встречи Ким Ир Сен повторил на пленуме.

---

<sup>57</sup> По некоторым данным, одного из оппозиционеров назначили директором лесопилки, а другого — свинофермы. См.: *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 210.

<sup>58</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 9–11.

Северокорейский руководитель согласился с этим и также заявил, что осознаёт ответственность за создавшееся положение и не допустит повторения таких ошибок.

В заключение члены советской делегации спросили, что им передать в Москву. Ким Ир Сен отметил, что полностью согласен со всеми советами ЦК КПСС и КПК. КПСС является для него непререкаемым авторитетом и все её советы он всегда будет принимать как руководство. Он также заверил, что ошибки, подобные тем, что были допущены в последнее время, больше не повторяются. В заключение лидеру КНДР пожелали поддерживать более тесную связь с ЦК КПСС, дабы Москва была объективно информирована о положении дел<sup>59</sup>. Во время беседы Микоян, наверняка стремясь заручиться после возвращения в Пекин благорасположением Мао Цзэдуна, рекомендовал принять положительное решение по вопросу освобождения из заключения Пак Ир У. Ким Ир Сен пообещал, что в ближайшее время это будет сделано<sup>60</sup>.

Из всего вышеизложенного становится понятным, что Ким Ир Сен, стремясь не допустить на предстоящем пленуме «неожиданностей» со стороны московских и пекинских «друзей», готов был пообещать всё, что угодно.

23 сентября в 9 ч пленум ЦК ТПК начал работу. Судя по содержанию телеграмм, отправленных от имени Микояна в Москву, и воспоминаниям Мухитдинова, всё прошло по заранее оговоренному сценарию. На пленуме присутствовали делегации КПСС и КПК в полном составе, но никто из «гостей» не выступил. Ким Ир Сен сделал «правильный» доклад, ораторы в прениях поддержали заранее согласованные с руководителями делегаций предложения, внесённые от имени Президиума ЦК ТПК. Допустили даже одно выступление от оппозиции, которое озвучил заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК Пак Хун Ир, предложивший освободить от занимаемых должностей ближайших соратников Ким Ир Сена: Пак Ден Ай<sup>61</sup>, Пак Кым Чера и Ким Чан Мана. Северокорейский лидер, играя перед советскими и китайскими гостями в демократию, пообещал «разобраться»<sup>62</sup>. Пленум принял по его докладу резолюцию, заранее согласованную с Микояном и Пэн Дэхуаем<sup>63</sup>.

Заседание завершилось к 13 ч, после чего состоялся обед с участием советской и китайской делегаций. Через два часа делегация КПСС вылетела из Пхеньяна и в 17 ч по пекинскому времени прибыла в китайскую столицу. Буквально через полчаса они посетили вечернее заседание продолжавшегося всё это время съезда китайских коммунистов. Перед отъездом Микоян имел беседу с Мао Цзэдуном, в ходе которой сообщил тому об «успешном» завершении пхеньянской миссии<sup>64</sup>.

<sup>59</sup> Там же, л. 6.

<sup>60</sup> Перед отъездом из Москвы Микоян получил из МИД СССР для ознакомления материалы по «делу» Пак Ир У, полученные из посольства в Пхеньяне. См.: Там же, д. 721, л. 203–210.

<sup>61</sup> Другое написание её имени — Пак Чжон-э. Известна также как Вера Цой.

<sup>62</sup> См.: *Симотомаи Н.* Указ соч. С. 262–263. В воспоминаниях Мухитдинова есть описание работы сентябрьского пленума с упоминанием нескольких критических выступлений («Один за другим оппозиционеры стали резко критиковать работу Политбюро», называли Ким Ир Сена «сталинистом», «верным учеником и продолжателем дела Сталина в Корее»). Отповедь им якобы давал лично лидер партии. См. *Мухитдинов Н.А.* Указ. соч. С. 343–344, 346. Примерно о том же писал К.Н. Брутенц (со слов Б.Н. Пономарёва). См.: *Брутенц К.Н.* На Старой площади. М., 1997. С. 98. Документальными источниками данная информация не подтверждается.

<sup>63</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 8.

<sup>64</sup> Об этом имеется информация со ссылкой на профессора Чэнь Цзяня, которому дали ознакомиться со стенограммой встречи Мао Цзэдуна и Микояна от 24 сентября 1956 г., хранящейся в одном из пекинских архивов. См.: *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 206. Сам факт встречи подтверждается соответствующей записью в дневнике поездки Микояна. См.: ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 3.



Микоян и Мухитдинов 24 сентября отправились в Москву<sup>65</sup>, остальные члены делегации остались в китайской столице до окончания съезда ЦК КПК. На следующий день было запланировано заседание Президиума ЦК КПСС. К нему участники получили подготовленную протокольную запись совещания по обсуждению резолюции пленума ЦК ТПК, а также сам текст принятого им постановления<sup>66</sup>. Микоян подготовил соответствующий материал для своего в целом «победного» отчёта<sup>67</sup>.

Однако ситуация развивалась отнюдь не по сценарию. Руководство КПСС несколько дней ожидало, когда же из Пхеньяна придёт сообщение о том, что постановление пленума ЦК ТПК опубликовано в полном объёме в северо-корейской печати. Член советской делегации Б.Н. Пономарёв, следивший из Пекина за ситуацией в КНДР, 26 сентября отправил в Москву телеграмму, с тревогой отмечая, что в северо-корейской печати постановление не появилось.

Почувствовав неладное, Пэн Дэхуай (который, видимо, также сообщил Мао Цзэдуну об «успешном» завершении поездки), по словам Пономарёва, предложил подождать ещё день. Если постановление не будет опубликовано, то следует послать телеграмму руководству ТПК с «напоминанием». Если же и после этого реакции не последует, руководителям делегаций КПСС и КПК следует вновь посетить Пхеньян для «исправления положения» — причём, если потребуется, собрать уже не пленум, а съезд ТПК. Пономарёв ответил, что передаст это предложение в ЦК КПСС и будет ждать ответа<sup>68</sup>. Вскоре после этого член китайской делегации Ши Чжэ сообщил ему, что ЦК КПК имеет информацию о том, что Ким Ир Сен во время пребывания советской и китайской делегаций в Пхеньяне не сказал своим единомышленникам — их приезд означает «вмешательство двух старших братьев» во внутренние дела ТПК<sup>69</sup>. В Москве и в Пекине в тот момент наверняка поняли, что Ким Ир Сен ничего больше в угоду им не сделает, сидит в Пхеньяне «крепко» и повторить «сентябрьский визит» вряд ли позволит.

Чтобы сохранить на Северную Корею хоть какое-то влияние, решили признать северо-корейского лидера если не равным по значимости Хрущёву и Мао Цзэдуну, то, по крайней мере, «равноправным партнёром». Принятая 30 октября 1956 г. Декларация Правительства СССР об основах взаимоотношений с социалистическими странами была выдержана в этом духе и предоставила Ким Ир Сэну достаточно большую самостоятельность в определении путей развития КНДР. А Мао Цзедун и Пэн Дэхуай в 1957 г. принесли Киму извинения за «сентябрьский инцидент» и через несколько месяцев вывели своих «добровольцев» — к большому удовлетворению северо-корейского вождя<sup>70</sup>.

Вопрос об отстранении Ким Ир Сена от власти ни на каком этапе кризиса не ставился. Во время визита в Москву в 1960 г. он был проинформирован

<sup>65</sup> Известия. 1956. 25 сентября; ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 3.

<sup>66</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 721, л. 26—45.

<sup>67</sup> Там же, л. 24—25. По воспоминаниям Мухитдинова, заседание Президиума ЦК (без его участия) состоялось несколькими днями позднее. Он же после аудиенции у Хрущёва уехал домой, в Ташкент. См.: *Мухитдинов Н.А.* Указ. соч. С. 353—355. Однако мемуариста явно подвела память: Хрущёва в тот день в Москве не было — он находился в зарубежной поездке, — а заседание Президиума, судя по дневнику Микояна, началось в назначенный срок (25 сентября в 17 ч). См.: ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 120, д. 1247, л. 3.

<sup>68</sup> Информационное сообщение общего характера о сентябрьском пленуме было опубликовано в центральном партийном органе ТПК газете «Нодон Синмун», 29 сентября 1956 г.

<sup>69</sup> ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 98с, д. 718, л. 2.

<sup>70</sup> См.: *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 13. Пхеньян, 1983. С. 393.

о критической позиции в отношении него со стороны Мао Цзэдуна в 1956 г. и (явно лицемерно) возмущился китайским «коварством»<sup>71</sup>. В свою очередь, пекинские лидеры в период советско-китайского раскола убеждали Ким Ир Сена, что «сентябрьские события» были заговором Москвы против него лично<sup>72</sup>. Наверняка, слушая это, Ким Ир Сен столь же лицемерно возмущался, ликуя в душе по поводу того, как ему удалось перехитрить Москву и Пекин и приступить к строительству собственной модели «реального социализма».

В итоге на том историческом этапе китайским руководителям удалось сделать Ким Ир Сена, как и многих других азиатских коммунистических лидеров, своим союзником, что впоследствии признавали и некоторые работавшие в аппарате ЦК КПСС аналитики<sup>73</sup>.

А.И. Микоян, на наш взгляд, проявил себя во время «сентябрьских событий» как опытный политик-реалист. Обладая разнообразной информацией об истинном положении в КНДР, он не был в корейских делах дилетантом. Перед ним, как следует из архивных документов, не ставилась задача отстранения от власти Ким Ир Сена. Являясь прагматиком и отчётливо понимая, что серьёзной «просоветской» альтернативы Ким Ир Сёну не наблюдается, он не стал накалять ситуацию, наверняка руководствуясь принципом выбирать меньшее из всех возможных зол.

В Москве и в Пекине наверняка успокаивали себя, что в Северной Корее никто не призывал к свержению социалистического строя. На тот момент для руководства КПСС, авторитет которой после XX съезда сильно упал, это было важнейшим критерием оценки того или иного «союзного» режима. Это обстоятельство наглядно проявилось уже в октябре 1956 г., когда лидеры СССР согласились на мирное решение польского кризиса силами местных коммунистов во главе с В. Гомулкой, но пошли на силовое подавление венгерской революции, после того, как И. Надь объявил о роспуске правящей партии и выходе страны из Организации Варшавского договора.

---

<sup>71</sup> См.: *Симотомаи Н.* Указ. соч. С. 305.

<sup>72</sup> См., например: Хрущёвский ревизионизм. Пекин, 1965. С. 23; *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 203. Эта же версия содержится в опубликованной в апреле 2016 г. на северокорейском сайте брошюре российского публициста Л.К. Гурджиева «70 неповторимых лет. Краткая история героической партии». См.: URL: [http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com\\_content&view=article&id=2365:6&catid=57:newsjuche&Itemid=98](http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=2365:6&catid=57:newsjuche&Itemid=98) (дата обращения: 8.11.2016).

<sup>73</sup> См., например: *Брутенц К.Н.* Указ. соч. С. 271.